

*Глубокоуважаемый Владимир Всеволодович!
Все Ваши читатели и почитатели, редакция журнала «Берега»
от всей души поздравляет Вас с юбилеем!
Ваше творчество говорит о том, что история многому всё-таки нас учит.
Мы не идеализируем прошлое, но и не отказываемся от традиций,
истоков, корней. Мы учимся понимать, что свобода –
это ценное приобретение, которое несёт с собой ответственность.
Желаем Вам здоровья, успехов и благополучия!
Пусть каждый новый день приносит радость!*

К 65-летию писателя

Выбирая «общерусскую соборность»

О романе в стихах Владимира Подлuzского

«Не боги горшки обжигают, но без них щи быстро прокисают»

Следя за творчеством своих современников, обнаружила вдруг, что в начале XXI века появились произведения, смело заявившие себя, обратившись к редкому жанру: роману в стихах. Не к поэме, а именно к роману в стихах. Хотя в середине XX века были попытки назвать романом в стихах поэмы Бориса Пастернака и других авторов, литературоведы всё же отнесли их к поэмам.

В 2005 году известный санкт-петербургский бард Александр Дольский, следуя «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, выпустил роман в стихах «Анна». В 2011 году Мария Рыбакова отнесла свое произведение «Гнедич» по жанру к роману в стихах, и вот у меня в руках объёмный, опять же роман в стихах «Тарас и Прасковья» Владимира Подлuzского, вышедший в 2012 году в Сыктывкаре. Поразительно, что Владимир Подлuzский безо всякой робости обратился к специфическому жанру, наполнил его авторской аналитикой и постепенным развитием характера. Сразу хочу заметить, что у нашего современника нет никакого подражания великому автору «Евгения Онегина», а Прасковья Шипикина не похожа на Татьяну Ларину, как и Тарас Ус – на Евгения Онегина, но это именно роман в стихах.

Удивляет пророческим видением повествование о сегодняшних сложных взаимоотношениях России и Украины с символическим названием «Тарас и Прасковья». Хотя роман вышел за два года до возвращения Крыма, до начала кровавых событий на Донбассе, корни современной драмы, её генезис мы находим, отправляясь в путешествие вначале по СССР, затем – по Украине и России, начиная с послевоенных и до 10-х годов XXI века.

В «Обращении к читателю» поэт рассказывает о шести годах труда, ведёт нас на Брянщину, в Поволжье, в Запорожье, на Север. А главных героев он окружает двумя сотнями персонажей, в том числе исторических личностей, деятелей культуры и искусства.

«На Святого летнего Николу отыскал я собственное слово», – это для автора Владимира Подлuzского символично – отыскать ключик к своему произведению в такой святой праздник, близкий каждому на Руси, взяв в поэтическое странствие как путеводную звезду всеми почитаемый образ Николая-Чудотворца. «Поэт вам не предприниматель, чтоб для народа мелочиться», и летят на 380 страницах открытия и прозрения, где происходит под одной обложкой сведение фигур русско-украинского концепта двух эпох: советской и перестроечной, реализма и постмодернизма, с их традициями, предметами быта, мечтами и реальностью.

«Лирический герой – дух светлый...»

Первая глава романа начинается с символа движения, вокзала, реального и метафизического, начала авторского и читательского путешествия в прошлое и будущее – извечная тема странствия по реальным дорогам и нравственному пути от Нового завета к сегодняшнему дню, проходя через возрождение души и вновь – погружение в смуту. И вокзал, и пути-дороги, и перекрёстки истории и культуры, и движение вперёд с Александром Пушкиным, с композиторами: Петром Чайковским и Георгием Свиридовым, с философом Иваном Ильиным, вопрошание за себя и других – высокие порывы чуткого к дуновениям Святого Духа русского сердца.

Лирический герой – дух светлый:
Во мне крестьянский и боярский
Жив дух, Пасхальный и Покровский,
Лечу как питерский и брянский,
И сыктывкарский, и московский...

Память автора ведёт нас к месту его службы в армии в посёлок Мулино, под Нижним, где между стрельбами читали книги, романы о любви, когда искусство хотело «досказать человека». И разве можно было тогда представить, что англосаксы будут спать на тех кроватях, где спали два друга: Иван Караваев и Тарас Ус? Что НАТО будет взрывать землю аппаратами в Мулинской базе, что установится цена в конкретных цифрах на честь и на иконы, на человеческую жизнь, что появится слово «шестёрки», за которым – явление предательства и измены, а в искусстве и литературе человек оказывается «не договоренным», очутившись в иных обстоятельствах.

Главная героиня романа в стихах – Прасковья, прекрасная молодая девушка из брянского села, кружит у русской печи, в доме, украшенном заботливыми руками, где на стенах «ковры холщовых репродукций». Прасковье Шипикиной 17 лет, она слышит свою судьбу в песне бродячего шарманщика, предвещавшего суженого по имени Тарас, который после Мулино служил в армии на Брянщине, где и встретил Прасковью, полюбившую Тараса глубоко и навсегда. Прасковья, сразу же узнав при встрече в Тарасе своего суженого, увидела, что шарманщик был прав: Тарас – красивый, умный, мужественный, настоящий мужчина, воин. После окончания срочной службы Тарас и Прасковья едут на Родину Тараса в Запорожье.

У них родится два сына: «станет соколом твой старший, младший будет воронёнком». Путь старшего сына – в Рязань, чтобы стать там десантником, офицером, героем, а второй сын не «вылезает из нью-йорков».

Тарас в годы грянувшей перестройки «крутит баранку» дальнобойщиком, а затем он фермер, «пан и пахарь». Прасковья в глазах одних односельчан Тараса – «москалица», а другие «прозвали Уской-Незабудкой».

Она организовала швейную мастерскую, принимая заказы от самых богатых клиентов, выезжая в Россию со швейными изделиями.

Перестроечное навязывание индивидуализма не изменило быта:

А тут и чарка, и колбаска,
С малиной чай и коржик с маком.
Отсюда будет до Славянска
Вёрст триста восемьдесят с гаком.
Воспоминанья полетели
Через слезинки и смешинки.
Там воют русские метели
И тают русские снежинки.

Чуткий слух поэта на единой славянской земле улавливает родное, небесное, отечественное, совсем не утраченное «непритворство», искренность. Заглядывая в деревню на Рождество, слившееся с древней Колядой, автор описывает здоровую жизнь крестьян: в сарае корова, ждущая телёнка, овцы, куры и всякая живность, а в очень чистых, ухоженных домах – золотой уют и праздничные блюда, тепло любви.

Одна у русского возможность –
Любить весь мир под самовар.

Что-то сакральное, священное, заповеданное славянским народам из небесных пределов, пусть крупницами, но сохраняющееся в поколениях. Никифор, отец Тараса, с ностальгией вспоминает прежнюю мирную жизнь, когда «любили с соколом охоту. Пасли в запрудинах сазана...»

В роду Никифора испокон веков ценились:

Ружье с насечкою и сабля,
Буланый конь в богатой сбруе,
Мужская честь и гарность бабья
В роду в почётном карауле.

Как отец, Никифор гордится своими тремя сыновьями, женатыми на русских женщинах.

– Тарас тоже не подвёл, – рассуждает сам с собой Никифор. – За Прасковьей «хоть в небо, хоть в пучину,

Грозят сынку успех и радость».

Никифор – председатель колхоза, необыкновенно богатого:

У нас что дом, то кулачина.

Румяный сад и виноградник..

Стада овец, гусей и уток, рой пчёл...

Никого не удивляет, что там, где живут славяне, там песни, там поэзия «с золотыми рифмами-усадьбами...»:

Строчки звонкие страдают ласкою,
И готовы обернуться песней,
Потому и любят птицу райскую,
Домостроя русского поэзию.

И мать Прасковьи, и отец Тараса вспоминают истории своих семей, в которых из рода в род растили мужчин – защитников Отечества – и женщин-красавиц.

Иван Караваев, друг Тараса Уса, после срочной службы в армии становится корреспондентом районной газеты. Он пишет стихи, вслушивается в голоса народа, создаёт критическое произведение о своей службе в армии, которое прочёл его дед, подведя итог:

Пока, внучок, не поседеешь,
Руси ни капли не поймёшь,

А потом даёт совет: «Езжай, приглядывайся, пробуй //Писать на собственный манер.// Спорь по возможности с Европой, // Но помни суть СССР».

Иван Караваев получает высшее журналистское образование, не оставляя своей цели: «Понять Русь». Он отправляется в глубинку России, любителю «золотую русскою деревней», описывает стройки и предприятия. Иван Караваев, прибыв на раскопки в деревню Стодол, родину Прасковьи, заглядывает в глубину тысячелетий:

Мы не скифы и не финно-угры,
И по всем статьям – не азиаты.
Словно несгораемые угли,
Светят избы русские и хаты.

Иван встречает здесь девушку по имени Полина, которая станет его женой. Она тоже журналист и поэт. Их глазами видим жизнь в России, в том числе их отношение к жёлтым СМИ: «Куют тут славу олигархи //И горбоносые кидалы.// За деньги тут тачают плахи, //А за валюту – пьедесталы.

Образ народной славянской жизни воспринимается как золотое, волшебное время. То и дело поэтические жесты Владимира Подлузского отсылают нас к пушкинской традиции живописания славянского быта, связывают с духовной строгостью, с сердечно милой природой, с родными ландшафтами, с близкими людьми. Поэт обращается к раскопкам в Стодоле, и его мысль проносится по тысячелетиям, определяя миссию славян на планете, зашифрованную в сагах западных народов: «наша радужность», «мы жрецы рассыпанный планеты...», поэтому можно сказать, что в новейшей литературе появился истинно национальный роман в стихах по своему духу, выражая национальную самобытность и нравственную устойчивость.

«Римский клуб уже строчил саван для СССР»

Автор «Тараса и Прасковьи», всматриваясь в жизнь на Украине, приходит к неутешительному выводу: «беременна злодейством страна насупленного пана». «Вьедается уже в привычку войнушка самостийным хлопцам».

И «драит смушковой папахой Крещатик – натовские туфли». Почему это случилось с прекрасной страной?

Неужели ничего не значат общая история, вера, традиция, быт, народные песни, вместе столько раз спетые? Неужели только в вышиванках национальный украинский дух? Неужели не тесен, мелок и немногосложен тот европейский мир, куда качнуло так называемых «лидеров»? Разве не видно, как они односторонни, однообразны, скучны и пошлы?

О разнообразии страстей читаем мы в романе Владимира Подлузского, нас пронизывают тонкие оттенки чувств, многосложные отношения людей, общественные и частные, богатая почва для размышлений о славянской цивилизации.

Вспоминаются Тарасу годы учёбы в сельскохозяйственном институте, как студенты привозили преподавателям то сало, то мешок комбикорма, а жизнь председателя колхоза была как у помещика, «парторг был чуть ли не священник». Кто «от пушек косит, кто «сгорает от зелёной дозы марихуаны, банкомата», – размышляет Иван Караваев, друг Тараса Уса.

Он вспоминает территорию, где «Рим крестил, являя милость, органом Ганну и Оксану», где «чужестранец ссужал с процентом под восстание, чтоб «русский люд» ему поддался на закланье».

Ещё служба в армии в Запорожье советского периода,
«Мы в карауле прочитали //На ридном редкую заразу.//Учила книжная шалава,//Чего нельзя и
вроде можно.// Выходила жёлтая отава// В блакитном граде Запорожья».

Появляются ростки двуличия, разные позиции:

Ты выбираешь незалежность,
Я – общерусскую соборность.

Уже начинались стычки, когда «солдаты отбивались бляхой
От дальних родичей Бандеры».

«Уже готовятся актёры для Фороса», а там «Молдова проливает кровь». «Как будто галактические дыры пропускают на землю космическое зло».

Москву прельщает кот Бегемот с зеленоглазой Гелой, глумится зловредный голос «про муки сталинской шарашки», а сверху «всё больше возгласов и пены в речах и главных документах».

Начались рыночные времена. И вот уже «полей доверчивость святая

Ублажена тут дребеденью». В жизнь врываются новые слова и понятия: «газ Украине», «угнанный мерс», «олигарх», «электорат», «фракции», «рейтинг»...

Напряжённа дума Остапа, сына Тараса и Прасковьи, увидевшего, как разламывается армия «упрямой волей доброхота, американского гаранта»:

Под хохот думских многочисленов
И хруст последнего патрона.

Отправившись «на помощь сербам», Остап вдруг встречает своего брата Андрия:

Мы обнялись, два разных брата
С одной солёной группой крови.
Он скрытый был сторонник НАТО,
Звонарь не нашей колокольни.
Не понимающий раскола
Ни церкви и ни Украины...
Я был влюблён
В свою славянку,
А он в заморскую тетерю.

Владимир Подлузский, беря на себя ответственность в силу данного ему небом поэтического дара, в глубине души тяжело переживая незаконность и трагичность раскола на Украине, берётся за роман в стихах:

Кириллицей, что праведней латыни,
Замаливаю внутренний разлад...

Славянка

Автор романа покорён, как и его герой, красотой славянок, их женственностью, золотыми косами. «Очи златовласки» напоминают зарницы. В них русскость, нежность и сила. Поэт вспоминает мифы и легенды, сказки и байки про «молодильное платье», он говорит о женщине, как родоначальнице. Нет, не влюблён поэт, а любит высоко и сильно, чем вызывает уважение к его собственной личности. В романе прослеживается его собственная жизнь, душа, любовь. Со всей искренностью он выразил свои чувства, понятия, идеалы, поэтому для нас, русских, для славян его роман имеет огромное общественное значение.

Автор прибегает к письмам героев, дневникам, рассказывает древние легенды и деревенские басенки, читает заговоры и молитвы, которые в большинстве своём хранит женская память.

И все они, судьбы не хая,
Рассказы пересыпав смехом,
Уйдут, загадочно вздыхая,
Навстречу миру и утехам.
И будут целый день довольны,
Что от души поговорили!
Все русские – антициклоны
И на Валдае, и в Сибири.

Роман Владимира Подлузского – блистательный опыт современности в выбранном им жанре, потому что будит общественное самосознание. Смешение украинской речи с русской, что происходит слишком часто на Украине и пограничных с Украиной областях, – это дань цветку славянства, поэтическое изображение действительности.

«Мы до конца неизлечимы на правду и на достоверность», – собирает поэт воедино особенности славянской души, – у нас «мифы – средство верное от боли», «любой из нас – язычник, А приглядишься – Православный». «С рожденья мама ребёнка окормляет верой», «лукавость западного теста от нас отскакивает пулей».

Мириады сплюсованных деталей сводятся в романе в стихах к женскому началу славянки, «чаровницы сердца и руки». Когда Прасковье исполнилось 55 лет, к ней снова приходит шарманщик, некогда предсказавший её судьбу. И замирает сердце, что скажет он женщине наших дней? Шарманщик видит судьбу Прасковьи неотделимой от судьбы России. Вначале он описывает все пороки современной жизни: «пришибленность атеизмом», ложью, «злым капитализмом», «внутреннюю мукой», но пророчит: «*Держава вийдёт из трясины Без водки и аперитива*». «*Пока мир грішний без понятій, Без чуда и без осязанья. Но уж готовит Божья Матерь Страданья Преобразованья*». Это Преобразование, Преображение произойдёт тогда, когда новый Мессия «Лишь к нам придёт Он; первым делом вино преобразует в воду». Лишь тогда руссы «вернутся к собственному коду». «Для люда будет уйма пици, а для скота – овса и жита».

Докажут скоро краеведы
Все сорок русских тыщелетий.
И будут сильно спорить «Веды»
О смысле жизни на планете.

Но главное – это воссоединение славянских народов:

Господь услышит нас. Славяне
Восточные дождутся часа.
В Аскании и на Тимане
Одно и то же будет царство.

Лишь дело времени, когда «живут Тарасы хуторами и ждут крутого поворота. Глядят в экран *на говорилку*, ножом раскраивают тыквы, не забывая про горилку».

Роман в стихах заканчивается верой в то, что «став солью православной», «сошлись любовно половинки Руси моей и Украины». Чтобы это произошло, мы должны отстоять свой дом, где родились великие идеи и учения, нашу славянскую мечту, чтобы покинуло политиков безумие раздора, нужно решить проблему нашего сознания: ты есть то, что ты видишь, охватываешь, постигаешь, за что берёшь ответственность. Реальность бросает нам вызовы: духовная безопасность русского мира,

славянского мира или тёплое стойло? СМИ объявляют о конце истории, работают на принятие нами неизбежности, что мы все должны подчиниться тёмной власти тельца. Но надо помнить, что ты не один, есть близкие тебе люди, есть общеславянская соборность. Художественный мир Владимира Подлuzского неотделим от Божьего мира на земле, его ритмы русской языковой стихии живы и волшебны. Поразительна всеохватность жизни, подобно пушкинскому «Евгению Онегину», события развиваются «на колхозном или фермерском поле, в вузовской лаборатории, в офисе фирмы, на полигоне, на крупном заводе и в храме». Все слои русского общества, писатели, священники, пророки, генералы и казачьи атаманы, изобилие пророчеств, древних верований, православное мировоззрение, новейшая история и погружение в ведические глубины – всё говорит о том, что славянская цивилизация может быть универсальной, не потому что мы этого хотим, а потому что русский космизм обозначил широкую перспективу для любых решений, касающихся сути существования планеты и рода человеческого, а также нашу ответственность за ту роль, которую мы выполняем – освобождение от ложного, одностороннего развития и тупика, в который нас завёл Запад. Территория интегрированного сознания сместилась на Восток, включив знания и духовные ценности Востока и Запада, универсальность синтезированной стратегии для всего человеческого рода, отбросив ложные приоритеты, основанные на индивидуализме и губительном для планеты потребительстве, вернув полное надежды ощущение значимости нашей жизни.